

Матьяна Богатырёва

Каникулы
в Санкт-
Петербурге

Love&Travel

Love&Travel

Татьяна Богатырева

Каникулы в Санкт-Петербурге

«РОСМЭН»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6

Богатырева Т. Ю.

Каникулы в Санкт-Петербурге / Т. Ю. Богатырева — «Росмэн»,
2019 — (Love&Travel)

ISBN 978-5-353-09082-3

В одной руке – полупустой чемодан с томиком стихов поэта Таганова, в другой – письмо из потустороннего мира, а в телефоне – переписка с Максимом. Вот они, три причины, заставившие Полину бросить все и срочно прилететь в Санкт-Петербург. Но Максим, который обещал познакомить Полину с городом, внезапно уезжает в командировку и не приходит на встречу. Зато вместо него вдруг появляется Андрей. Нет, целых два Андрея. Оба готовы с утра до глубокой ночи показывать Полине Петербург, оба смотрят на нее влюбленными глазами. А Полина все ждет Максима. Открывая для себя город, подаривший первую любовь ее бабушке и поэту Таганову, она, кажется, тоже находит свою любовь. Но для кого бьется ее сердце?

УДК 821.111(73)
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09082-3

© Богатырева Т. Ю., 2019
© Росмэн, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	14
Глава пятая	20
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Богатырева

Каникулы в Санкт-Петербурге

Роман

Глава первая

#письмостогосвета

Все началось с письма с того света.

Все-таки, если говорить точно, письмо было написано, когда отправитель был еще жив, а вот получено – когда его в живых уже не было. Часть с отправкой и доставкой вообще опущена: письмо было передано надежному лицу из рук в руки. При этом письмо не покидало квартиры. Если быть совсем уж точным, оно отправилось из одной комнаты в другую.

Трагично. Так может начинаться хоррор или мистическая драма.

Но доставка из одной комнаты в другую затянулась. Отец Полины – а именно ему выпало быть тем доверенным лицом, которое «из рук в руки», – медлил.

Письмо предназначалось Полине.

Бабушки не стало в мае. В июне ее письмо все еще лежало в надежном укрытии. Полина писала ЕГЭ, гуляла на выпускном, сдавала вступительные. Так как-то июнь и пролетел. На сороковой день папа и Полина вдвоем ездили на кладбище. Бабушка была мамой Полининой мамы, но отец ее очень любил, очень. Это был подходящий момент для того, чтобы сказать о письме, но отец как-то его упустил. Потом ждал зачисления.

Потом как-то сама собой организовалась поездка на море. Почему-то Полину и папу все родственники и друзья старались потихоньку опекать, за годы это стало каким-то неписаным правилом. На новогодние праздники будем кататься на лыжах – не забудьте взять Полину и папу. Июль, отпуск – кто в этот раз приглашает Полину и папу с собой? И каждый – каждый – раз это обыгрывалось нелепым, трогательным образом: пропадает место в самолете, оптом дешевле, хотели еще те двое поехать, но подвели в последний момент, как же так, выручайте.

Полине и отцу было хорошо вдвоем. И в компании тоже было хорошо. Все омрачила смерть бабушки. А так – Полина поступила, папе дали отпуск, билеты были куплены, и Полина собирала вещи. Сказывалось мужское воспитание – у иных школьников рюкзак больше, чем Полинин чемодан, да и тот полупустой.

Отец заглянул в комнату как раз в тот момент, когда Полина, сидя на полу, читала книгу поэта Таганова. Она собиралась положить книгу в чемодан, но случайно начала ее читать. Пока читала – забыла, что собирает вещи.

С одной стороны, письмо уже само по себе, просто как явление, не могло не расстроить Полину. С этой же стороны отпуск мог быть омрачен.

С другой – когда-нибудь отдать его все-таки придется. А такими темпами впору будет снимать телепередачу «Отец скрывал от меня письмо двадцать лет».

Хотя телевизор они не смотрели.

Так письмо наконец дошло до адресата и было передано, как и предполагалось, из рук в руки. Оно оказалось длинным, было написано от руки мелким каллиграфическим почерком, текст шел прямо по полям, упорно их игнорируя.

Вечером ничего не происходило. На следующий день – тоже. А наутро третьего дня у Полины и ее отца состоялся разговор.

– Ты собрала вещи? – спросил папа.

– Да-да, – ответила Полина. – Видишь ли...

– Что? – переспросил папа.

– Да так, – неопределенно пробормотала Полина.

Они завтракали.

– Варенье будешь? – спросил папа.

Варенья оставалось мало, на доньшке.

– Мне надо в Питер, – сказала Полина, передавая папе варенье.

– Конечно, – легко согласился папа.

– Нет, пап, ты не понял. Мне надо в Питер сейчас. Не когда-нибудь, а, в общем, вот так.

Оказалось, Полина уже купила билеты по интернету. Сдала путевку – понятно, что отец один не поедет. Да и этим благотворительным увеселительным отпускам большими компаниями давно уже пора было положить конец – так думали и отец, и Полина. Но одно дело – думать, другое – найти в себе силы отказать. Насильственное причинение добра всегда обезкураживает и обезоруживает.

Нашла другую путевку – на конец лета, раннее бронирование. Положила в чемодан сборник поэта Таганова с бабушкиным письмом вместо закладки. Нашла себе в Петербурге хостел. Написала другу, петербуржцу, – пусть встретит. Для папы его контакты выписала на экстренный случай. Еды дома на неделю наготовила. Все предусмотрела и продумала.

Папа вздохнул. Он переживал, что Полина поедет в Питер одна на целую неделю, но в то же время чувствовал облегчение от того, что вопрос с благотворительными компаниями был закрыт. Потом уточнил настолько осторожно, насколько мог, очень ли Полину расстроило содержание письма? Интересоваться тем, что именно там было написано, он считал неэтичным.

– Нет, не очень, – сказала Полина.

Вообще не расстроило.

Что же там такого было, в этом письме, что нужно теперь все бросить и сломя голову мчаться в Петербург? Ничего такого. Там вообще почти ничего не было о Полине, в основном – о бабушке и о Петербурге.

Так все и началось. Одно письмо. Один чужой город. Один билет. Одна неделя. Один чемодан с одной книгой стихов поэта Таганова. Один небольшой подлог, потом два подлога, два одинаковых имени, два с половиной (!) любовных треугольника и одна Полина.

А еще был Максим.

Глава вторая

#лабрадорДамблдор

Этим июльским утром они оба – и Максим, и Полина – должны были бы сидеть в самолете, готовиться к взлету. Точнее, это были бы два разных самолета в двух разных городах, которые прибыли бы в две разные страны.

Самолеты-то взлетели и благополучно приземлились. Но оба пассажира отказались лететь и сдали свои билеты.

Полина – потому что решила ехать в Петербург. Максим – потому что Андрей сошел с ума.

Вышло это так. Девятнадцать лет Максим и его друг Андрей смотрели на жизнь примерно одинаково и вдруг в одночасье начали смотреть по-разному. Андрей назвал это «жизненная позиция с приоритетами и потребностями данного индивида». Эту дикую формулировку он выдал под конец неприятного разговора, полного недосказанности и обиды.

Начал он издали – с вопроса, кто будет гулять с Дамблдором, пока Максим в отъезде. Максиму бы сразу догадаться, к чему он ведет, и не поддаваться на гнусную провокацию – то, что это была провокация, тоже можно было сразу сообразить: зачем спрашивать, если прекрасно знаешь ответ? Разве что для того, чтобы поспорить.

Но тогда бдительность Максима дремала. Да он и сам не выспался и не был готов ко всякого рода вопросам с подвохом. Ясно, кто будет гулять, – родители. Кто будет свободен, тот и пойдет выгуливать.

– Вот! Вот видишь! – вцепился в эту банальную истину Андрей. Прямо возликовал.

Максим предпочел ничего не отвечать на это непонятное «вот». Но Андрей повторял слова: «Вот об этом я и говорю!» И радовался при этом.

– О чем? – Максим крепился.

– О том, Макс, о том самом. О том, что в этом – весь ты.

– Весь я в чем?

И пошло-поехало. Началось с выгула собаки, закончилось кардинально разными жизненными позициями. Максиму – плевать, а Андрею – нет. Максиму и на себя плевать, и на родных, и на собаку. Собака – это ответственность, зачем ее заводить, если о ней не думаешь. Погуляют, и ладно, нет – так он и не вспомнит.

И еще много всего неприятного Андрей наговорил. Про социализацию и сознательность. И даже про здоровое питание до кучи.

Выходило, что, если бы не дорогой друг, Максим даже получение визы себе организовать не смог бы. Если бы не мать, неизвестно, что бы он употреблял в пищу. Если бы не бабушка, он бы сроду не поступил. Если бы не отец...

Максим растерялся и от этого разозлился. Он ссориться не умел вообще, никогда этого раньше не делал. Его пилили – он молчал. Молчание было апогеем агрессии в его понимании. А то, что у них с Андреем могут вдруг разойтись жизненные позиции, он бы до такого сроду не додумался.

Уже потом Максим сообразил, что несчастная псина стала вроде как поводом, а всякого рода обиды у Андрея зрели давно. И что даже, скорее всего, у него что-то такое произошло. Кто-то его накрутил, что-нибудь, к примеру, нелестное о Максиме сказал или что-то он сам узнал о Максиме такое, что привело к тому, к чему привело. Они впервые за всю свою сознательную жизнь так крепко разругались, что никуда теперь Максим с Андреем ехать не хотел.

И это потом он уже думал и так и эдак. Может быть, не стоило Андрею ему этот билет покупать? Но они вместе ехать решили, что в этом такого? Максим и раньше у Андрея деньги занимал, пусть не сколько себя помнил, но со старших классов – точно.

Дома было тихо-тихо, слышно, что в переулке делается. И даже дальше – на улице.

Максим лежал и злился. Жара, духота. Только начал успокаиваться, как вспомнил, что воду отключили еще вчера и до конца месяца, и снова разозлился. Еще немного полежал и решил, что пора с лежанием завязывать. Не хочет с ним Андрей ехать и не надо. А чем дольше так лежишь, тем больше начинаешь обдумывать всякие неприятные темы, вспоминать слова, которые накидали в твою сторону, как мусоринки-бумажки. И ты теперь лежишь в этом во всем, и как раз отключили воду.

Под столом растянулся большой черный лабрадор, которому когда-то мелкий Максим, увлекающийся в ту пору приключениями Гарри Поттера в волшебном мире магов, дал гордую кличку Дамблдор.

Дамблдору тоже было жарко, он высунул язык и любовно смотрел на своего оскотинившегося, по мнению Андрея, хозяина.

– Сам с тобой гулять буду, – хмуро сообщил ему Максим.

13 июля

Полли 16:45

Максим, привет! Я приеду в Питер пятнадцатого, буду очень рада с тобой повидаться (и познакомиться!). Вот так спонтанно выходит. Надеюсь, получится с тобой не разминуться. Если что, я буду у вас неделю, если ты уже уехал, может быть, успеешь вернуться. Ты мне обещал город показать, и все такое. Такие дела.

Наверное, можно сказать, что это Полина с ним познакомилась, а не он с Полиной. Или все-таки он, если лайк можно считать за знакомство. Лайк он ей поставил сам, потому что Полина искрометно смешно пошутила в одном комментарии в группе. Сказала, как отрезала. Максима очень даже развлекали все эти группы со странным юморком, где, для того чтобы стало смешно, надо, чтобы сначала дошло, и где юмор – абсурдный и временами мрачноватый. Полина тогда взяла и откомментировала так, что получилось даже смешнее, чем сам пост. И Максиму так понравилось, что он жмякнул сердечко, поставил лайк. Такая молчаливая солидарность. Ему вообще очень нравилось читать что-нибудь смешное, от этого улучшалось настроение. Особенно утром, пока приходишь в себя, это вроде как немного примиряет тебя с тем, что целый день предстоит заниматься чем-нибудь неприятным и чаще всего неинтересным.

Поставил лайк и забыл, а потом Полина сама ему написала. И опять про забавное: про лайки, социальные эксперименты и статистику.

Максим в это время сидел на первой паре. Он ни за что на нее не пошел бы, но бабушка поехала с ним вместе, он – в аудиторию, учиться, она – в деканат, на работу.

Полина тоже была с бабушкой – в больнице.

И Полине тоже нравилось читать что-нибудь смешное, особенно по утрам, или когда грустно, или просто так. Она была согласна, что от этого настроение становится лучше. Еще Полина любила переписывать концовки книг, которые казались ей нелогичными, банальными или просто не нравились. Она записывала свои варианты в виде заметок и нигде их не публиковала, так что ее версии наиболее эффектного развития событий знал теперь только Максим. Писатели – здравствующие и почившие – оставались в неведении.

Максим ей сам не раз предлагал: вот, мол, приедешь в наш город, все тебе покажу. И она ему всегда писала: вот приедешь, и мы как пойдем гулять. Это все казалось настолько само собой, что даже не обсуждалось. Конечно, они должны были встретиться в каком-то туманном будущем.

Полина была интересная такая вся, настоящая.

Максим 16:50

Я в Питере, круто, приезжай.

Вечером Максим, с гордо выпрямленной спиной, отправился выгуливать Дамблдора сам. С полиэтиленовым мешочком, в прескверном расположении духа и в глубокой задумчивости. Думал он о себе, и чем больше думал, тем сильнее у него портилось настроение.

Вот Андрей не стал бы ведь ему врать? Даже если учесть, что он был зол и обижен. А ведь если его послушать, Максим оказался не самой приятной личностью.

Максим предпринял унылую попытку посмотреть на себя со стороны: идет по набережной молодой человек, не красавец, но и не урод. С большой собакой. С мешочком – потому что не мусорить же, когда выгуливаешь собаку. Обходит рыбаков, туристов и ребят, запускающих воздушного змея. На набережной прохладно, пахнет морем.

Максим любит читать смешные истории в интернете, а сам шутить не умеет. Ходит в университет, когда там бывает бабушка, а когда ее нет, не приходит. На кого именно он учится, так, с ходу сформулировать не сможет. Но как-то худо-бедно перевелся на второй курс. До сих пор Максима все в его жизни устраивало, а теперь он не понимает – устраивает или нет. У него даже профили в социальных сетях, в тех графах, где надо указать свои мировоззренческие позиции и интересы, не заполнены. И думать над тем, какие у него интересы, и формулировать ему было лень.

Если бы Максим читал Ремарка, он, скорее всего, пришел бы к выводу, что его личность может исчерпывающе охарактеризовать цитата про «любите ли вы говорить о себе»¹. Ну нет, он о себе не любил даже думать.

На моменте «что подумает о нем Полина» он споткнулся.

14 июля

Полли 11:04

Максим, привет! Я тут подумала: встречать в аэропорту меня не надо. Если поможешь мне найти свой хостел, буду тебе признательна: он где-то в центре, плохо пока ориентируюсь заочно. Гугл-карты мне в помощь, ха-ха. Давай в центре встретимся? Какое у вас там самое «питерское» кафе?

¹ «– Вы не любите говорить о себе, не правда ли? – Я даже думать о себе не люблю». Э. М. Ремарк. «Триумфальная арка».

Глава третья

#питерлюбовьмоя

Почему-то казалось важным приехать обязательно одной, чтобы не встречали. Так, чтобы не провожали, все равно не получилось бы. Провожая, папа очень волновался и очень старался этого не показывать. Сборник стихов поэта Таганова перекачовал из чемодана в ручную кладь, но читать во время перелета Полина не стала, так и держала книгу в руках, проверяя периодически, на месте ли письмо, не потерялись ли тетрадные листки.

О том, что всякое путешествие начинается с первого шага, Полина не думала. И о том, что, уходя, ты уходишь навсегда, потому что вернешься уже не тем, кем был, – тоже. Потому что это ясно и так.

Важно не место, а человек, так считала Полина. Куда бы ты ни отправился, ты возьмешь с собой себя, и это тоже настолько понятно, что обдумывать тут нечего. Некоторые носят с собой целые миры, и рядом с такими людьми даже окружающее пространство становится почти бесконечным.

Человек – это его поступки, его действия, события, которые с ним происходят.

И еще – раньше она никогда никуда не ездила одна. Никто не запрещал, просто всегда получалось, что на каникулы – с папой и сочувствующими друзьями семьи.

Теперь, в университете, она наверняка подружится с кем-нибудь из приезжих, они поедут большой компанией к нему (или к ней) на родину. Махнут все вместе за город. Практика может быть где-нибудь. Да просто на каникулы с подругами уедет.

Но вот чтобы прямо совсем одной – это, может быть, первая и последняя возможность. В глубине души Полине все-таки было страшновато, а может быть, папины молчаливые переживания ей передавались. В конце концов она сунула в последнюю минуту в чемодан мягкую игрушку – мишку. Тут же пожалела и сама устыдилась такой своей неуверенности и сентиментальности, тем более что отец заметил. На ходу придумала, что будет слать ему фотки, как мишка гуляет по Питеру, – как гулял садовый гном в фильме «Амели». И еще мишка будет читать книжку. Поэта Таганова.

Вот о чем она размышляла, сидя на своем посадочном месте, закрывая откидывающийся столик на пластиковую защелку.

На электронной карте все было так доступно и понятно. Прямота линий! Это восхищало и завораживало Полину. Как можно заблудиться в городе, где каждый уголок и закоулок – от широких проспектов до маленьких улочек, соединенных сквозными проходными дворами, – пронизан логикой? Оказалось, еще как можно заблудиться. Система выстраивалась, если смотреть на город с высоты полета спутника, на этом логика заканчивалась.

И ведь было же кому ее встретить! Зачем же она отказалась? Полина протискивалась сквозь толпу чьих-то родственников, чьих-то коллег, гидов с табличками, ожидающих прибывших туристов, вышедших на охоту таксистов. Аэропорт Пулково был настолько же огромным, насколько и нелогичным. Полина блуждала в поисках выхода, радуясь, что чемоданчик нетяжелый. Время шло, а выход все не находился. В какой-то момент она начала подозревать, что бродит по кругу, поскольку снова вышла к той же самой статуе, представлявшей собой помесь человека и самолета, белой и на вид пластиковой. Предполагалось, что это ангел с самолетными крыльями и почему-то турбинами.

Потом выяснилось, что таких ангелов здесь множество и по кругу она не ходила.

Следующей неприятной неожиданностью стала погода. То есть погода как раз была хорошая, но это и было плохо. Потому что, собираясь в дорогу, Полина взяла с собой минимум

одежды, теплой и по возможности водонепроницаемой: парку-ветровку, кеды на толстой резиновой подошве, толстовку с плотным капюшоном. Питер же – город дождей, и все такое. А на улице была не просто жара – жарища. Низкое бледно-голубое небо как будто выгорело, стало серо-голубым и слепящим глаза, с белым солнцем посередине. И поля вокруг аэропорта были жухлыми и уж точно выгоревшими. Пекло неимоверно. Воздух был тяжелым и влажным, как в тропиках. Полине казалось, что даже солнечные очки запотели.

Душная, набитая до отказа маршрутка довезла ее до ближайшей станции метро, которое оказалось гораздо глубже, чем она себе представляла. Эскалатор опускал ее вниз, под землю, минут десять, не меньше. На станциях было чуть прохладнее, но все равно душно, и даже подземный ветер, который задувал из туннеля во время прибытия поезда, тоже был какой-то горячий.

Полина не первый раз была в метро, но в таком неудобном оказалась впервые. Станции то лепились друг к другу, то образовывали длиннющие перегоны. Для того чтобы пересесть на нужную ветку, необходимо было пропилить сначала по одной ветке, потом перейти на другую, проехать несколько станций по ней и только потом оказаться на той ветке, которая тебе нужна. При том что от исходной точки до нужной тебе станции, судя по карте, было смешное какое-то расстояние.

Так что пока все выходило совсем не так, как представляла себе Полина. Она-то воображала, как выйдет на светлый Невский под темным свинцовым небом в оспинках дождя, полной грудью вдохнет морской северный воздух и мысленно воскликнет: «Я в Питере!» А вместо этого она воскликнула: «Блин, так мне надо было на Технологический институт-2, а не на Технологический институт-1?» Потом выяснилось, что до Невского проспекта вообще можно было добраться без пересадок, по прямой ветке, и это больно ударило по Полининому самолюбию. Выйдя на Невский, она сделала селфи с подписью о том, что сельский в городе себя чувствует не то чтобы плохо, а как корова на льду или как рыбка в пустыне.

Потом она перепутала Большую Морскую улицу и Малую Большую Морскую. Или просто Малую Морскую? В общем, на встречу к Максиму она откровенно опаздывала. Было жарко, пыльно и душно. И восклицать: «Я в Питере!» – не хотелось совсем.

* * *

Максим яростно копался в шкафу, чувствуя себя при этом неимоверно глупо. Чувство собственной глупости только подтверждало опасения, что он – далеко не самая яркая личность, далекая от таких приземленных вопросов, как «Что люди надевают, когда хотят произвести хорошее впечатление?» и «О чем говорить с девушкой, если ты ее никогда не видел и, возможно, в жизни она окажется совсем не такой, какой казалась в интернете?».

А если она окажется еще лучше, чем казалась раньше? И что люди вообще надевают в таких случаях? Как они должны выглядеть, чтобы их полюбили?

Андрей по любому поводу рядился, как на праздник, и наивный Максим так бессердечно над ним посмеивался.

А сейчас он заправлял футболку в джинсы и становился похож на ботаноподобного дрыща. Яростно выдергивал полы – и в его внешности сразу появлялось что-то от помятого алкоголика. Дело могла бы спасти рубашка, накинутая поверх футболки, ее можно было не застегивать или застегнуть, но не до конца, и вышло бы более-менее сносно. Но чистой рубашки не нашлось.

В конце концов Максим напялил куртку и сразу почувствовал себя лучше. У куртки было множество достоинств, а недостаток всего один – она была курткой, а на улице стояла жара. Но Макс так боялся опоздать и с ходу зарекомендовать себя тем самым полным идиотом, что времени на сомнения уже не оставалось.

Явившись на час с лишним раньше оговоренного срока, Максим миновал летнюю веранду и забурился в самый дальний угол полуподвального помещения, который, несмотря на вечер выходного дня, пустовал, – желающих сидеть между кондиционером и колонкой было мало.

Максим уселся, нахохлился и погрузился в чтение их с Полиной длинной – с исторического дня присвоения комментарию Полины лайка прошел год – переписки.

В том, что Полина в жизни не окажется уродливой страхолюдиной, он не сомневался: фотографий у нее было немного, но все они буквально вопили о том, что хозяйка снимков ни во что не ставит ни фильтры, ни постановочные фото, ни специальные программы для тюнинга и прокачки лица и фигуры. И подписи – ох, эти подписи – говорили о том, что она, Полина, на самом деле такая классная. У нее все фотки с юмором были прокомментированы, и хештеги тоже были смешные и часто неповторимые – в смысле, нажмешь на хештег, чтобы проверить, сколько раз и у каких именно людей он встречается, а он такой только один, у Полины. Заинтересуешься, загуглишь, а это вообще строка из песни. И под нарочито пафосным селфи получалось смешно на контрасте. Много ли есть людей, способных так вот над собой иронизировать и подшучивать, тем более девушек? Максим таких не знал.

И конечно же, судя по тому, как и о чем они разговаривали весь этот год, она не окажется душой. Таким образом, вариант «убедиться, что Полина не стоит его переживаний, и сбежать» отпал сразу.

А вот в том, что Полина быстро поймет, что собой представляет он, Макс был почти уверен. Он так и видел, как Полина вежливо и сдержанно отвечает на его вопросы, но сама ни о чем не спрашивает, потому что и так все ясно, а про себя мечтает уйти и на ходу сочиняет обстоятельства, которые помешают им увидеться завтра, и послезавтра, и третьего дня, и так до самого ее отъезда, когда можно будет смело сказать, что она не только терпеть не может встречи в аэропорту, но и проводы тоже не жалует.

Чем дольше Максим все это представлял, тем сильнее накручивал себя. Воображение у него было отличное, это его нередко спасало, когда подводила память: если он чего-то не помнил во время изложения или устного ответа, то автоматически додумывал это на ходу.

Полина наверняка не будет смеяться над ним за глаза, она совсем не такая. Хуже – она будет ему сдержанно сочувствовать. От этой мысли Максима бросило в жар, несмотря на то что кондиционер работал так, как будто собирался вот-вот взорваться.

Полина опаздывала. Может, она уже все поняла? Тоже перечитала их переписку, скажем, пока летела в самолете, и сразу догадалась, чего он, Максим, стоит. А что еще делать в самолете, как не копаться в телефоне, если летишь один и на борту нет интернета? Это было так логично, что Максим искренне уверовал в только что придуманную им гипотезу и стал пробираться к выходу. Он сейчас уйдет, а потом напишет, что случилось чрезвычайное происшествие; непреодолимые обстоятельства, или, как их еще называют, форс-мажор, не позволили ему повидать Полину. А дальше он помирится с Андреем, и вместе они придумают, как быть. Андрей придумает. Или, если ничего не выйдет, всегда можно просто лечь и умереть.

– Максим?

На террасе прямо перед Максимом стояла Полина – совершенно точно она. И смотрела на него в упор, со смесью нескрываемой радости и легкого недоумения в серых, почти что серебристых, умных глазах.

– Нет, – выдавил Максим, – я не Максим.

И сделал попытку отшатнуться от Полины. Получилось немного вбок, и он споткнулся о маленький дорожный чемодан, принадлежавший, видимо, ей.

– Да как же нет, я же вижу. Максим, это ты? Это я, Полина, мы тут встретиться договорились. А я, видишь, опоздала, – добавила Полина, все еще преграждая ему дорогу.

Максим оглянулся по сторонам: на них поглядывали с неприкрытым интересом. Все, что он мог, это стоять столбом и бубнить полужадушенно: «Я не Максим».

У Максима был до того сконфуженный и несчастный вид, что Полина застеснялась собственного напора.

– А. Извините, я обозналась. – И тут же, чтобы сгладить неловкость, протянула ему узкую ладонь: – Очень приятно, Полина.

Как будто хотела сказать, что и так уже понятно, что она Полина, но сейчас самое время для шуток и восхитительных историй.

– Дро... Андрон. Да... Андрей, – промямлил Максим.

«Был бы сейчас тут Андрей, он бы придумал, что делать», – невольно мелькнула мысль. И тут же подумалось, что нужно хоть что-то ответить. И если он не Максим, то кем он может быть?

Так все и началось.

Глава четвертая

#невавеликолепныйвид

Максим нес чемодан Полины. Чемодан был легким, а вот на душе было тяжело. Теперь выходило, что его зовут Андрей, он учится на экономическом, недавно расстался с девушкой и у него есть права на водный транспорт. Максим был в ужасе, но остановиться не мог. Когда Полина что-нибудь спрашивала, он на автомате буркал «нет», и выбор варианта ответа автоматически сужался. Так, например, получилось с правами на водные средства передвижения.

– Ты водишь машину? – спросила Полина.

– Нет, – сказал Максим. И, испугавшись паузы, тут же добавил, что он водит катер.

Совершенно обалдев от того, что представился Андреем, Максим стоял столбом посреди дороги, загораживая проход не только Полине, а вообще всем, кто хотел бы покинуть кафе. В том же полуавтоматическом режиме он вызвался подождать вместе с Полиной Максима. Пока Полина, сидя напротив него – они устроились подальше от колонки с кондиционером, – набирала его номер на своем мобильном, Максим яростно жал в кармане на кнопку «выкл.», для верности загоротившись от Полины огромным стаканом с фруктовым чаем.

Пока Полина недоумевала по поводу пропажи Максима, сам Максим, не затыкаясь, нес что-то такое, в чем не вполне отдавал себе отчета. Его воображение до того разыгралось, что он сам уже наполовину верил всему, что говорил. Под конец его бурного монолога Полина даже начала улыбаться.

– Кто ты такая, о чем ты и про что, мне это очень интересно, я хочу узнать, что привело тебя в наш город? – ораторствовал Максим.

И Полина начала отвечать, совершенно спокойно и искренне. Ее показания совпадали с тем, что она ему писала. Она, конечно, не призналась прямо и открыто, что приехала повидаться и познакомиться с Максимом, но он в ее рассказе неоднократно фигурировал.

Оказалось, Полина очень рассчитывала на то, что Максим поможет ей осмотреть город, ей это было важно. Перевоплотившись в некоего воображаемого Андрея, водителя катеров и обладателя иномарок (что шло в разрез с тем, что он говорил до этого, но допустим), Максим заверил Полину, что готов показать ей все, что есть в этом городе, и даже то, о чем остальные могут только догадываться.

И теперь он нес ее чемодан, провожая до хостела. Невский проспект уже погружался в светлый сумрак, окна домов отражали уходящий свет, становясь ярче и глубже, эфемернее и краше, чем они есть, а впереди, на другой стороне Невы, еще светило солнце.

Так они дошли до самого начала Невского, и только тут Максим спохватился, что надо было свернуть на Мойку – там, на набережной, и находился Полинин хостел.

Полина рассказала, что, когда она была маленькая, она не знала значения слова «сепия» и называла этот цвет «предзакатным». Ее никто не поправлял, и она довольно долго думала, что такой цвет и правда есть.

* * *

14 июля

Максим 23:57

Прости, плиз, меня срочно дернули в командировку, не мог предупредить заранее. Туда, куда я должен был ехать, помнишь, мы

обсуждали, в Европу. Надеюсь, ты нормально долетела. Еще раз прости, мне очень жаль. Надеюсь, ты не сердишься, что так вышло.

Моя дорогая Полина!

Прежде всего хочу сказать: я люблю тебя. Я очень сильно тебя люблю. Когда я была в твоём возрасте, я очень боялась смерти. Это слишком большая, слишком бесконечная мысль для нашего сознания. Как понять: мир есть, а тебя в нем уже не существует? Мне выпало похоронить самых дорогих людей: свою мать, свою дочь, своего мужа. Думаю, человек не может привыкнуть к смерти и не может с нею смириться.

Но я пишу тебе это письмо не для того, чтобы попрощаться и пожелать что-нибудь приятное и хорошее, как принято перед долгой разлукой. Я хочу рассказать тебе свою историю. Эта история про то, как я совершила самую большую в своей жизни ошибку.

Когда я ошиблась, мне было немногим больше, чем тебе сейчас. Я жила тогда в Санкт-Петербурге, городе, который мне пришлось оставить навсегда.

Про Москву говорят: она покоится на семи холмах, а Петербург – это острова, много островов, почти полсотни. Я очень хотела бы, чтобы однажды ты увидела эти острова сама, своими глазами.

Всю свою жизнь в Петербурге я провела на острове. Я появилась на свет в роддоме возле старинной пожарной станции на Большом проспекте. Если свернуть с проспекта на набережную, можно увидеть мою школу – когда-то, в далеком прошлом, женскую гимназию. А если не сворачивать, идти по проспекту прямо и прямо – выйдешь к морю.

А на проспекте среди других зданий стоит пятиэтажный доходный дом, в котором папе дали комнату в одной из коммунальных квартир. Комната была с двумя окнами, одно выходило на проспект, другое – на линию (линиями в Петербурге называются улицы).

Когда я поступила в университет, нам, живущим дома, всегда хотелось поддержать и подбодрить «общежитских», собравшихся со всех уголков страны. Я проводила в общежитии много времени, помогала первокурсникам обжиться, узнавать город, который должен был стать для них домом, как минимум, на следующие пять лет.

У нас был очень дружный курс, состоящий фактически из одних девочек (в силу специальности, конечно), и мы все делали вместе – ходили на субботники и на танцы, занимались и пели под гитару на общей кухне. Девчонки из моей группы влюблялись в старшекурсников, те, кто был посмелее, знакомились на танцплощадке Дома культуры. Совсем смелые и отчаянные искали способ проникнуть на вечер танцев при доме офицеров.

Со своим молодым человеком я познакомилась случайно и влюбилась также случайно, как бы странно тебе ни было читать это, – бабушка тоже когда-то была молода. Честно говоря, мне кажется, сначала я влюбилась не в него самого, а в его профессию, – Леша тогда только поступил в Макаровское училище. Он любил море и хотел побывать на всех островах земного шара. И я тоже любила море.

Я очень хорошо помню тот день, когда я познакомилась с Тагановым. Помню место и даже, наверное, могла бы вспомнить точное время. Утром мы ходили на майскую демонстрацию, и мне было очень светло. Все было хорошо: родители, университет и Леша, город с гулками пустыми переулками, купающиеся в лужах воробьи. И главное – ожидание скорого лета. Летний запах – это запах моря, идущий от Невы. Накануне мы с мамой мыли оба наших огром-

ных окна, и я сама чувствовала себя, как стекло, – чисто отмытое, отражающее солнечные лучи, прозрачное, ясное и сияющее.

Окна в общежитии были открыты настежь. Курили прямо в комнате, и далеко по линии летели обрывки песен под плохо настроенную гитару с металлическими струнами.

Народу в тот вечер было не так уж и много, но из-за того, что во всех углах маленькой комнаты что-то происходило, казалось, что нас была целая толпа. Кто-то спорил, кто-то рассказывал историю, а рассказчика все время со смехом перебивали, в комнате пели, смеялись и даже, кажется, читали стихи.

Я точно помню, что подумала тогда о том, что дома – это большие муравейники для людей. Особенно остро это ощущается в общежитии.

Но и родной старый корпус университета, и наш с родителями дом – все это тоже такие муравейники-ульи, которые полнятся самыми разными людьми с их мечтами и надеждами, страхами и амбициями. И город – это тоже некий большой муравейник. Наверное, так я дошла бы до масштабов планеты, но в этот момент вместе с новой партией гостей появился Слава Таганов.

Он так на меня смотрел, как будто никак не мог насмотреться. Как будто у меня на щеке огромное чернильное пятно или растут рога над ушами.

Поначалу Таганов вел себя тихо, он был не один, а в компании куда более бойкого и разговорчивого друга, который только и твердил что о таланте и одаренности Славы.

Но Таганов освоился очень быстро и сразу перетянул внимание на себя: декламировал стихи, махал руками и постоянно пытался сдуть прилипающую ко лбу челку. Мне он сразу не понравился. У него была отталкивающая, дерганая манера речи, он был шумным, длинным, нескладным и, как мне показалось, невнимательным. Его как будто каждую секунду разрывало изнутри, оттого ему надо было все время что-то говорить, делать, куда-то идти.

Я сидела на подоконнике, и мне не очень хорошо было его слышно. Пора было собираться домой.

Слава догнал меня уже на лестничной клетке – мы спускались целой компанией – и схватил за руку. Так напористо гаркнул: «Ты – пойдем со мной!», что я вздрогнула. Он был уже совершенно пьяный, глаза лихорадочно блестели в полутьме. Я вырвала у него свой локоть и отшатнулась. Кто-то крикнул, что у меня есть молодой человек и он Таганова поколотит. Я спускалась, и у меня в ушах звенело: мне не нравилось быть в центре внимания, настроение испортилось.

Таганов нагнал нас уже на улице и чуть спокойнее предложил меня проводить. Я снова отказалась. Он едва стоял на ногах и долго кричал что-то мне вслед – оказалось, я забыла наверху свою шерстяную шапочку.

В следующий раз мы увиделись с ним после майских праздников, и Таганов снова повторил свою просьбу. «Гулять с тобой буду», – упрямо твердил он.

Он был похож на планету, настолько уверенную в том, что все спутники, астероиды и звезды вращаются вокруг него, что спорить с этим было почти бесполезно.

Он шел за мной следом на почтительном расстоянии, и на его шее развевался шарф. Стоило мне остановиться, как он наклонился и с высоты своего двухметрового роста заверил меня, что покончит с собой, если я незамедлительно не передумаю.

Ты наверняка догадываешься, что я ему ответила. Таганов помрачнел и неловко вскочил на узкий гранитный парапет: «Я прыгну, слышишь?!» Я отвернулась и прибавила шагу, и тут женщина, идущая мне навстречу, закричала. Он действительно прыгнул!

Мне стало страшно, но почти сразу я услышала крики и ругательства рабочих, призывы столпившихся на набережной прохожих вызвать милицию. Слава спрыгнул прямо на пришвартованную возле спуска баржу.

* * *

Сбежать от всех в свою страну чудес,
Как Льюис Кэрролл Петроградского района.
Спасибо всем, кто ставил нам препоны.
Спасибо каждому, кто в душу к нам залез.
Сбежать от всех в свой собственный Эдем
И взять с собой две книги и подругу,
Свою судьбу, напарницу, супругу
И просто быть собой. На зависть всем.
Сбежать от всех и даже от себя
Не получается, на это есть причины,
И отговорки, и плевки нам в спину
Таких же нерешительных ребят.

* * *

Полли 00:15

Привет, Андрей! Я была очень рада с тобой познакомиться. Мой друг написал мне, что с ним все в порядке. Но он не сможет составить мне завтра компанию, и если твое предложение еще в силе и ты свободен, пойдем гулять утром? Мой номер ***.

Полина.

...Максим не спал всю ночь. Никакого оправдания лучше несуществующей командировки он не придумал, а сил объяснить Полине, что он случайно представился ей другим человеком, у него не было.

Навернув на нервной почве две тарелки холодных макарон с сыром, Максим собирался посмотреть какой-нибудь захватывающий, желательно вышедший уже целым сезоном сериал – и еще желательно, чтобы в нем ни под каким углом не затрагивались темы дружбы, обмана и ответственности перед домашними животными, – как на почту пришло письмо от Полины.

В целях конспирации он дал ей адрес электронной почты вместо телефона, а также удалил почти все фотографии из социальных сетей.

Пришлось срочно искать круглосуточный магазин сотовой связи и покупать сим-карту, ведь если бы он сказал, что не пользуется телефоном, это было бы уже совсем странно и подозрительно. И еще более подозрительно, да и просто невежливо, было бы написать Полине, что он никуда с ней завтра не пойдет, потому что на самом деле он все-таки и есть тот самый Максим.

Потом пришлось в срочном порядке заводить новые страницы, судорожно вспоминать пароли к почте, потому что к одному номеру телефона два разных профиля не прикрепить, а воспользоваться новой симкой он тут же на нервной почве забыл.

Максим сделал бутерброды с остатками сыра, съел их. Затем решил превратить все это глупое недоразумение в шутку. Он прямо представил себе эту картину: идут они завтра с Полиной, ходят-бродят по центру, и он рассказывает ей о каком-нибудь ужасно смешном историческом подлоге. Например, царь пошел в народ, притворившись этим самым народом. Напрялил

дырявые башмаки и порванную рубаху и давай себе странствовать по городу, спрашивать у простых крестьян и рабочих, нравится ли им его правление. А на самом деле он сам и есть царь.

Полина станет смеяться и радоваться. И тут-то он скажет, что на самом деле он Максим и есть. Что решил Полину разыграть, как принято разыгрывать новичков в разных закрытых сообществах.

Максим съел еще один бутерброд, выпил еще чаю и со спокойной душой лег спать. План его вполне устраивал. Но сон не шел, подсознание упорно намекало на какой-то недостаток гениального плана, основывающегося на истории про царя. Кажется, он вроде бы читал о чем-то подобном. Или не читал, но точно слышал... «Принц и нищий»! Их класс ставил эту сказку в седьмом или восьмом классе. Андрей тогда играл этого самого принца и ужасно этим гордился. Только дело было в Лондоне, а не в Петербурге. А сказка до того известная, что Полина наверняка про нее слышала.

И тут Макса осенило, да так, что он резко перевернулся, и плечо больно хрустнуло. Он совершенно ничего не знал о Петербурге такого, чем можно было бы развлечь или заинтересовать Полину!

Остаток ночи Максим провел, лихорадочно просматривая статьи википедии и сайты, посвященные достопримечательностям Петербурга: десять самых необычных мостов города, пять дворцов, работающих в летний период, пять самых красивых видов вечернего Петербурга, нетипичный Питер, куда пойти в Петербурге с девушкой и далее и далее...

Дамблдор, видя хозяина бодрствующим в столь ранний час, радостно носился из комнаты в коридор и обратно, предлагая немедленно отправиться на прогулку. Даже поводок в зубах принес. Уронив сонного Максима на пол, придавил всей своей немаленькой тушей для верности и хорошенько обслонявил.

Горячую воду все еще не дали. Пришлось искать кастрюлю, чтобы помыть голову.

* * *

Все шло не так, как представляла себе Полина. Новый знакомый Андрей то угрюмо молчал, то начинал нервно бубнить себе под нос не смешные и плоские, как равнины Питера, остроты. Она уже жалела, что попросила Андрея составить ей компанию.

Целый день они мотались по центру Питера, и ее новый знакомый неуклонно тянул ее в самые туристические, самые забитые народом места того открыточного Петербурга, который был Полине совершенно неинтересен. Но она все никак не находила в себе силы ему в этом сознаться. Видно было, что он очень старается.

Они ходили, потом садились, потом снова вставали и снова шли, пока не уставали, и садились снова. От влажного жаркого воздуха у Полины смешно завивались стянутые в тугую хвост волосы. Медный всадник не произвел на нее никакого впечатления, и информация о том, что глыбу для постамента, именуемую гром-камнем, цельным куском полгода тащили из самой Лахты, так и не была озвучена.

Набравшись сил, Максим попытался заинтересовать Полину тем, что вот они, кажется, стоят себе посреди небольшого парка на набережной, а на самом деле это никакой не парк, а Сенатская площадь, про которую Пушкин писал, и именно здесь все уважающие себя горожане стремятся сфотографироваться во время свадьбы. Но Полина тоскливо смотрела куда-то вдаль, на противоположную сторону Невы, и пропустила Максимовы излияния мимо ушей.

«Надо срочно купить поесть, она, наверное, голодная», – подумал Максим.

А Полине первым делом хотелось осмотреть – и не просто осмотреть, а изучить вдоль и поперек! – весь Васильевский остров. Найти окна бабушкиной квартиры, набережную, с которой кидался в реку поэт Таганов. Сборник стихов был у нее при себе, надежно покоился на дне рюкзака, но доставать его при Андрее она стеснялась.

Максим не понимал, что именно (помимо того, что он вообще изображал из себя Андрея) он делал не так, но ясно чувствовал по реакции Полины, что не так шло вообще все.

Когда Полина спросила, любит ли он стихи, он расстроился окончательно и – да гори оно огнем – яростно выпалил, что любит не то слово и вообще жить не может без поэзии.

Полина оживилась и обмолвилась как бы между прочим, что ей вынь да положь посмотреть Российский союз писателей. Максим понимал, что у писателей, как и у всех остальных, есть свой союз, но где он находится и чем там писатели занимаются, не имел даже приблизительного представления.

На всякий случай он заверил Полину, что союз такой конечно же есть, но находится он невообразимо далеко от их нынешнего места приземления – это была скамейка, – добраться туда до закрытия у них нет никакой возможности, и вообще сейчас час пик.

Пробки в Петербурге в сто раз ужасней пробок в Москве, уверял Полину Максим, поэтому он свою машину и не водит, а передвигается по городу как простые смертные, ножками.

Ввернуть в разговор хоть намек на то, что он никакой не Андрей, не было никакой возможности: Полина снова завела разговор на околоэкологическую тему. Про бережное отношение к природе, про то, как это важно и правильно, как ей нравится, что в Питере столько мусорок. Про то, что чисто там, где не сорят, и все такое прочее.

Она нервничала и мелко крошила купленную для нее Максимом ватрушку, отщипывая микроскопические кусочки и на автомате кидая их падким на выпечку голубям.

«Вы еще тут, проклятые», – кисло думал Максим, хмуро наблюдая за сбивающимися в стаю ненасытными голубями.

Даже такие тупые птицы, как голуби, и те понимают, что лучше держаться коллективно. А он взял и поссорился с Андреем, который уж точно нашел бы выход из этого безобразия.

Поэзия. Ну что он может сказать Полине про поэзию? Все познания Максима в этой области начинались и заканчивались школьной программой. Все, что он знал об экологии, было почерпнуто им все из той же обязательной школьной программы: озоновый слой испарился, начался парниковый эффект, и это, естественно, ничем хорошим кончиться не может. А, да, и пластиковые пакеты в почве по тысяче с лишним лет разлагаются.

Вот бы сюда Кешу, уж он бы поддержал беседу. Иннокентий учился с Максом в одном классе, его отец и мать были знаменитыми поэтами. Правда, он этого страшно стеснялся, а с Максимом не то чтобы особенно дружил.

В общем, когда Полина как бы между прочим сообщила, что у нее на сегодня запланирована еще одна какая-то там встреча, Максим даже вздрогнул от облегчения. Но тут же до него дошло, что, судя по тону Полины, она вряд ли еще его куда-нибудь когда-нибудь позовет.

Можно было бы написать Полине уже от имени себя-Максима, что командировка окончена. И тогда они бы встретились. И Полина посмотрела бы в его лживую физиономию. И заметила бы потрясающее сходство с неким «Андреем».

Блин!

Глава пятая

#марианскаявпадина

16 июля

Максим 12:02

Привет, Полин! Грущу в командировке, без тебя радость не в радость, я бы лучше с тобой время проводил. Как ты? Как прошел твой первый день? Как тебе город? Как вообще все? Скучаю. Максим.

Полли 12:15

Приветище! Как же я рада твоему письму. Город замечательный, жалко только, что тебя нет. Я познакомилась с одним парнем, он помог мне в первый день (смешная получилась история – приедешь, вместе посмеемся), а сегодня он меня по Питеру водил.

Максим 12:17

То есть прямо все хорошо? Все идет по твоему плану? Целиком?

Полли 12:22

Ну, не совсем, если честно.

Максим 12:23

А что такое? Расскажи, я так переживаю, как ты там.

Полли 12:30

Спасибо, Максим. Мне приятно это слышать. Знаешь, я тебе на самом деле не все рассказала. Оказывается, бабушка в мае написала мне письмо, отец только недавно мне его отдал. Бабушка раньше никогда не говорила, что она из Петербурга. А в письме она рассказала мне одну историю, связанную с поэтом Тагановым. Он же тоже питерский, ваш. У бабушки с ним был роман, знаешь, бурный такой и грустный. Ей всегда было тяжело говорить об этом, а тут – целое письмо, подробное. Наверное, она не могла это все вслух проговорить. А бабушка, оказывается, всю жизнь жалела, что рассталась с Тагановым. Представь, пятьдесят лет жалела! И я хочу увидеть все места, описанные в ее письме. Это все так странно и волшебное, если честно. Как будто прочитал книгу, а потом смотришь ее экранизацию в режиме реального времени, только декорации настоящие. Одной сложновато все маршруты искать, я плохо пока ориентируюсь, а времени не так уж и много. А мой новый знакомый – Андрей – странный он, конечно. Дерганный какой-то. И мне кажется, приврать любит. Рассказывал, что водит катер, ты представляешь? В общем, мне неудобно его послать (наша семейная извечная проблема, ха-ха), вот и мучаюсь немного. Вот, выговорились, и сразу легче стало! Какой же ты молодец, Максим, возвращайся уже скорее!

Полина, я не верю и никогда не верила в любовь с первого взгляда. По-моему, это чувство формируется с действиями и поступками, которые совершает или не совершает понравившийся нам человек. Грубо говоря, мы любим или не любим людей «за что-то», в хорошем смысле конечно. Нами движет сочувствие или сострадание, восхищение и интерес, удивление или даже непонимание.

Совершенно точно помню момент, когда я осознала, что действительно буду с Тагановым. Это была такая точка невозврата, я четко ее почувствовала: момент, когда еще можно было уйти и сказать «нет», и то ощущение, когда он уже прошел, буквально секунду назад.

Слава был сиротой, но от матери ему в Петербурге осталась девятиметровая комната, в которой он, беспрестанно воюя с соседями, и проживал. Я не хотела к нему идти. Казалось, что меня и так уже с космической скоростью затягивает в его абсурдный, хаотичный, переполненный бесконечными новыми знакомствами, словами, стихотворениями и его собственной персоной мирок.

Как подобрать слова? Знаешь, в чем разница между понятиями «бегать» и «носиться»? Бег подразумевает конечную цель. Таганов – носился. И все мое существование вместе с ним было сплошным хаосом. Как будто он, пробегая мимо, схватил меня за руку, и пришлось оставить все решения на потом и мчаться вместе с ним, пока ни во что не врезались и не упали.

«Послушай, что я написал», – говорил он не подразумевающим возражения тоном, и это выходило настолько естественно, как будто в моей жизни всегда было принято идти посередине улицы или декламировать стихи, толкаясь в автобусе.

Таганов всегда вел себя непосредственно. Он вообще очень часто говорил: «Пойдем», «послушай», «посмотри», «повремени», «подержи». И так же он заявил мне: «Пойдем ко мне домой, ты же там ничего не видела!» Но тогда мы были еще плохо знакомы, я не понимала его с ходу, и ему пришлось пояснять: мол, это же понятно, что мы должны быть вместе, а ты даже не видела, как я живу, ну ты что?

И я пришла в его комнату. Я представляла себе аскетичную берлогу настоящего интеллигента или донельзя захламленный хлев, но, представляя место, где мы никогда не бывали, мы часто не угадываем сразу во всем.

У Славы было чисто и вместе с тем ужасно тесно. Как в архиве или на складе книжного магазина, где добросовестно убирается уборщица. Книжки заполнили всю эту светлую маленькую комнатку. Самодельные полки тянулись вдоль всех четырех стен – огибая поверху окно и продолжая свой путь над диваном, над старыми, потемневшими этажерками. На подоконнике бесконечными рядами тоже были составлены книжки. Солнце проникало в эту комнату лишь благодаря тому, что окно было очень высоким и выходило на солнечную сторону.

Еще там был письменный стол. Именно глядя на этот стол, я почувствовала, как подхожу к той самой точке невозврата. Стол был завален так, что вместе с завалами формой смахивал на радиоактивный гриб. Стула не было.

«Зачем стул, если на столе нет свободного места?» – возмутился тогда Таганов.

Лампа каким-то чудом теснилась среди раскрытых и закрытых книжек, листочков, журналов и бумаг, поэтому Таганов, верхнего света в комнате не имевший, читал на полу, подслеповато щурясь, сердито вздыхая и дергая лампу поближе. Провод был короткий, поставить лампу на пол рядом с собой он не мог.

Помню как сейчас: Таганов, согнувшись в три погибели, искал в тетради стихотворение, которое вычитал в журнале и желал мне немедленно показать, а я начала просматривать валяющиеся на столе книги. Я думала о том, что, если я их разберу, Таганов, скорее всего, в них запутается. И тогда я поняла, что уже не уйду.

Леша я сразу сказала все как есть: кажется, мне нравится другой человек, а значит, все, что может случиться дальше, будет нечестно.

Это очень важно, хотя, может быть, несколько по-максималистски, стараться жить так, чтобы поступки соответствовали твоим чувствам. Один мой знакомый однажды сказал мне: «Если ты думаешь о том, можешь ли прожить без человека, если ты просто об этом думаешь, значит, можешь и, значит, пора уходить».

Полиночка, я хотела, чтобы в этом откровенном нашем с тобой разговоре не было нравоучений, а теперь выходит, что все это письмо – одно большое нравоучение!

* * *

Я живу, как в больничной палате,
Меня пичкают препаратами.
Так не лечат дурной характер.
Азиаты, вы, азиаты.
Я живу, как в кафе привокзальном,
И не помню ни лиц, ни имен
До чего ж моя память засалена,
Как на Курском вокзале перрон.
Я живу в постоянной тревоге
За тебя, за отца и за мать.
Нас с тобой выбирают дороги,
Пока есть из чего выбирать.

* * *

Максим 12:39

Постараюсь!!! Полин! А чего ты раньше это не говорила?! Я всегда знал, что бабушка у тебя крутая и замечательная. А по поводу этого Андрея... Может, дашь ему шанс? Он же ничего не знает, вроде нормальный, судя по твоим словам. Пиши мне, пожалуйста, обо всем, переживаю, скоро приеду!

Максим 12:50

Кеш, привет! Как твои дела? Ты учишься? Если да, то куда поступил? У меня к тебе вопрос: может быть, ты знаешь такого поэта – Вячеслава Таганова?

Максим 12:59

Чел, ты уже приехал? Давай забьем на все, мир?

* * *

Андрей – настоящий Андрей – не очень любил литературу. Читать-то он читал, и много: и бумажные книги, и с экрана планшета, но все это была не художественная литература. На романы, а уж тем более стихи или очень длинные стихи – поэмы – ему было жалко тратить время и силы. Дома у них было так принято – отец считал художественную литературу развлечением, и Андрей тоже стал так считать.

А развлечения еще нужно было сначала заслужить.

Самая первая книга, которая произвела на него неизгладимое впечатление, была справочно-информационным изданием: энциклопедия с разными занимательными фактами о Земле. Там, например, рассказывалось, что гепард – самый быстрый хищник на планете, и вообще описывалось различие между травоядными и хищниками.

Книгу ему подарили на празднике по случаю окончания начальной школы. Кроме энциклопедии, был еще альбом с 3D-картинками машинок и динозавров и энциклопедия для маленьких джентльменов (девочкам дарили книги из той же серии, для юных принцесс).

Андрей еще тогда решил, что хищником быть гораздо выгоднее, чем травоядным, потому что, если ты травоядное, тебя может сожрать какой-нибудь распоясавшийся хищник. А ты его не можешь, потому что ешь траву.

Максиму подарили такой же набор, но он свою энциклопедию так и не прочитал.

Но больше всего Андрея поразила история про рыб, которые живут на дне Марианской впадины, на большой глубине, где ужасное давление и температура не поднимается выше двух градусов. Эти рыбы слепые, большие и очень древние. Синий кит – самое большое животное в мире – не может погружаться на такую глубину, которую выдерживают эти рыбы.

Но самое удивительное – и самое страшное – заключалось в том, что бедные древние слепые рыбы не могли всплыть на поверхность. Если они всплывут, их разорвет на части. Без этого чудовищного давления они не могли жить. Маленького Андрея это так поразило, что он зарыдал от ужаса и от жалости.

С тех пор всякий раз, когда Андрей так или иначе сталкивался с понятием «ад» – неважно в каком контексте, – он невольно представлял себе Марианскую впадину и плавающих на ее дне одиноких и наверняка уродливых рыб.

Андрей вообще вспоминал о древних слепых рыбах довольно часто, хотя никогда не задумывался о том, что сам всю жизнь жил примерно под таким же давлением, что и они.

Вот Максима гораздо больше потрясла история про злобного карлика крошку Цахеса, которую они всем классом смотрели в Театре юного зрителя. Максим так ревел, что пришлось тащить его на улицу проветриваться.

Максим потом еще долго вспоминал проклятого карлика. И всякий раз в споре о том, хорошо ли быть единственным ребенком в семье, он приводил в пример эту жуткую сказку: будь у него сестра, как у Андрея, ему не страшно было бы ночью, потому что он был бы не один в комнате, и не пришлось бы позориться и идти будить бабушку.

Вообще со сказками у Андрея сразу не заладилось. В детстве ему их не читали, зато таскали по кружкам в таком количестве, что он света белого не видел. Хорошо еще, они с Максимом, подружившись, быстро догадались, что уроки можно прогуливать. Жить стало немного легче.

В сказках Андрею не хватало мотивации – что значит колдун сказал куда-то там идти? Зато к сказкам, где на всякие изощренные подвиги сыновей отправлял царь, Андрей относился благосклоннее. Бедных сыновей он понимал и очень им сочувствовал.

А когда они читали сказку «Счастливый принц», Андрей второй раз в жизни заплакал над книгой. Правда, плакал он не над сказкой, а над собой. Если ты богатый, у тебя все есть и

все тебе завидуют, ты должен все отдавать. Но даже если раздашь все, что есть, ты все равно останешься отрицательным персонажем.

Бедный принц-памятник из сказки даже глаза отдал. Но это ничего не изменило, все кончилось скверно, его выкинули на свалку, а потом вообще решили переплавить на что-то другое.

Андрей был богатым. Он очень боялся, что его не будут любить. Отец часто повторял, что в России быть успешным неудобно и некрасиво. Поэтому Андрей старался изо всех сил быть лучшим во всем и при этом вести себя так естественно и непринужденно, что по нему вообще не было заметно, как он на самом деле старается.

* * *

В глубине души Андрей страшно обрадовался, что Максим предложил помириться. Но подавать виду было нельзя. В книгах по конфликтологии советовалось в таких примерно ситуациях делать вид, что ссоры не было и вовсе. Так проще и эффективнее всего продолжать совместную деятельность.

Тем более Андрей не смог бы, даже если бы захотел, объяснить Максиму, почему он сорвался. А сорвался он потому, что отец снова как-то уж очень сильно на него надавил. Сестра Юля, как только вышла замуж, оставалась с отцом в одном помещении только в присутствии мужа. Мама ее всячески поддерживала.

Получалось, что Максим был единственным, на ком можно отыграться, тем более отец прошелся и по его поводу тоже: мол, мы те, кто нас окружает. Человека постоянно, в любой ситуации и при любых обстоятельствах, так или иначе оценивают. И время, когда Андрей выгодно смотрелся на фоне своего друга, давно прошло. Пора обрести новыми связями, а не мотаться в их старый район, чтобы бездельничать с Максимом.

– Мы те, кто мы есть! Что мы есть, что нам есть и что мы едим!

Максим интенсивно работал челюстями, видимо радуясь примирению. Картошка во внушительных размеров картонной коробке таяла на глазах. Андрей был склонен к полноте, поэтому ничего калорийнее капусты не ел и занимался спортом, как бешеный. Так что о его склонности к полноте никто из окружающих тоже ничего не знал.

– Дамблдор какой-то квелый, ты не замечаешь? – спросил Максим, а затем заметил как бы между прочим самым таким непринужденным голосом, что, пока Андрей там скакал по Англии, он с собакой даже на пробежки ходил.

Пес и вправду растянулся на асфальте с самым печальным видом. Детская площадка выглядела сказочно: в темном, с оранжево-фиолетовой подсветкой небе, как бешеная, лупила луна. Отцветший шиповник блестел в свете фонарей тугими узелочками. Поскрипывали под Максимом металлические детские качели. В глубине темных арок, ведущих в освещенные переулки, таял теплый свет.

При таком освещении яркие цвета всяких детских оздоровительно-развлекательных железок выглядели неуместно посреди глухого двора-колодца с одиноким окном на одной из окружающих площадку стен. На окне в горшочках всегда росли цветы, что добавляло особенную выразительность этой несусветной эклектике.

Сейчас цветочков было не видно, но Андрей точно знал, что они есть, потому что просидел на этой площадке полжизни.

Мосты уже развели, и на несколько кварталов вокруг не было слышно ни одной машины.

– Жара проклятая, – простонал Максим, покончив с картошкой окончательно.

Тему ссоры оба осторожно обходили, потому что разговор не клеился. Максима что-то беспокоило, но Андрей пока не решался спросить.

В конце концов Максим опасливо поинтересовался, как у Андрея прошла поездка, и друг радостно поделился, что просто ужасно. Он ни за что не хотел бы жить в Англии.

Когда они закончили увлеченно ругать Лондон и все его окрестности, беседа логически подошла к встречному вопросу со стороны Андрея.

Стоило ему поинтересоваться, как прошла эта неделя у Максима, того прорвало так, что даже лабрадор немного оживился от его жестикуляции. Так Андрей узнал о бедной обманутой Полине.

Глава шестая

#страшноизвестнаякартина

Максим прекрасно понимал, что заврался окончательно, хуже того, он продолжал врать. С появлением Андрея дела пошли, казалось бы, лучше, но выхода из сложившейся ситуации Максим все равно не видел.

Теперь вокруг Полины вертелось сразу два Андрея – один поддельный, он же Максим, другой – заочно, через Максима – реальный Андрей, а кроме того, один реальный Максим, якобы уехавший в командировку, который постоянно интересовался, как у Полины обстоят дела с Андреем.

Все свободное от переписки с Полиной время Максим проводил, гуляя с ней же по городу.

Андрей, конечно, очень помогал, но явно недооценивал гнусность их положения. Он все больше посмеивался, а то, что Максим из всех русских личных имен выбрал себе именно его имя, ужасно льстило самолюбию.

Выходило, что Полина теперь присутствовала в жизни Максима почти что круглосуточно, но при этом знать ничего не знала про его мучения.

В какой-то момент Максим стал бояться, не посадят ли его в тюрьму, если обман раскроется. Андрей успокаивал: скорее всего, нет, разве что в психушку. Максим кисло улыбался в ответ и думал, что жизнь и правда состоит только из лжи.

– Ты не заболел? – обеспокоенно спросила бабушка.

Погруженный в свои страдания, Максим чуть не подавился.

Бабушка заметила ему, что он стал хуже есть. Максим удрученно развел руками и отрезал себе еще колбаски. Но кивнул: мол, да, он сам это тоже заметил.

– И псина плохо ест, – добавила бабушка, – видно, от жары. Говорю же, сидите тут в городе, в духоте. Поехали бы с Андрюшей на дачу, на свежий воздух, речка – всего полтора километра по дороге. Окреп бы немного, а то совсем, как глист.

Тут бабушка снова вспомнила, что Максим, по ее мнению, стал плохо есть.

– Ой, бабушка, – Максим горестно подпер ладонью щеку, – ну какая дача, какая дача, а? Тут такие дела творятся, ужас же просто.

– Какой такой ужас, господи?

– Натуральный такой ужас. Самый ужасный.

* * *

– Ну у тебя же были девушки? – в который раз спрашивал Максим, увлеченно роясь в шкафу у Андрея. – Это у тебя что? Это что, декольте?

– Это пуловер с открытым воротом, дай сюда. – Андрей злился от смущения. – Ну предположим, были. Но не такие.

– Это какие-такие не такие?

– Эта твоя – чумная какая-то.

Максим оскорбился. Полина была совсем не чумная, а, можно сказать, лучшей из всех, кого он в жизни знал.

– И на фотках она не больно-то красивая, – добавил Андрей.

– Да Полина просто фотки не обрабатывает, потому что жизнь не отфотошопишь! – встал на защиту чести Полины Максим.

– Это она так сказала? – фыркнул Андрей. – Ну видишь, у нее типа принципы. И чувство юмора, и все такое. Расскажи ей все уже скорее, и дело с концом. Скажи, что пошутил. Или прикинься идиотом: мол, ты теперь страдаешь, что на нервах выдал себя за меня, она тебя пожалеет. Хотя тебе и притворяться не придется, – добавил он, глядя, как Максим пытается втиснуться в одну из его рубашек, рукава которой были ему, мягко говоря, узки. – Да не застегнется она на твоём пузе, видно же, не порти вещь.

– А мне и не надо, чтобы застегивалась, – буркнул, тяжело переводя дыхание, Максим. – Мне надо, чтобы, ну знаешь, на футболку ее, чтобы не думать, заправлять ее или нет.

– Кого заправлять? Ты тупой?

– Да футболку в джинсы, заправлять или нет. А, черт, ладно. Забирай свою рубашку обратно, подавись.

Рубашка была красивая. На нагрудном кармашке вышит маленький крокодил.

* * *

Как Андрей мог сказать, что Полина не слишком красивая! Максим правда не понимал. Она была невозможно, нечеловечески красива. Слов таких в Максимовом лексиконе не было, чтобы даже примерно описать, как она выглядела и что собой представляла. Разве что словами поэта Таганова, да и то не совсем точно.

Максим так засмотрелся на Полину красоту, что допустил чудовищный просчет: не уследил, в какой именно вход Эрмитажа они зашли.

Маршрут, который они с Андреем прокладывали всю ночь, начинался от входа через внутренний двор со стороны Дворцовой площади, а они зачем-то пошли с набережной.

А времени и сил у него хватило только на совершенно определенный маршрут.

Конечно, можно было бы сказать, что он, как и всякий среднестатистический коренной петербуржец, не так уж часто бывает в Эрмитаже, но Максим еще в первый день, провожая Полину до хостела, десять минут расписывал, как часто он бывает в этом великолепном дворцовом комплексе и сколько открытых и закрытых мероприятий в эрмитажном лектории чуть ли не раз в неделю из года в год считает своим святым долгом посетить.

А все потому, что они тогда дошли до самого конца Невского и на глаза Максиму попался Зимний дворец. Вот оно как-то так само собой и сложилось.

А теперь он в буквальном смысле почти полз по стенам, закрывая Полине обзор и то и дело натываясь на ограждающие картины веревочки. Ему даже сделали замечание. Максимальная близость к картинам давала шанс скосить глаза и незаметно для Полины прочитать названия полотен. Познания Максима ограничивались тем, что в Эрмитаже висели зарубежные картины, а в Русском музее – отечественные.

Полина все эти ухищрения отлично замечала, но старалась не подавать виду, чтобы еще больше не смутить этого странноватого Андрея, поскольку Максим в своем письме активно советовал дать ему шанс.

Еще Полина, к ужасу Максима, хотела сходить в Главный штаб, который тоже относился к эрмитажному комплексу. Там, по проверенной ею информации, находилось искусство двадцатого века, например, импрессионисты, которых принято смотреть издали, потому что вблизи изображение на картинах расплывается в симпатичную кашу.

Поэтому ходить по основному корпусу Максим планировал долго, до тех пор, пока Полина не устанет от переизбытка искусства и не передумает тащиться через площадь в Главный штаб. Шансов на то, что он скоро закроется, не было, они очень рано отправились смотреть картины, – настолько, что Максим, считай, и не ложился спать и теперь был смутно похож не то на панду, не то на сову. Синяки под его глазами плавно тянулись почти что до самого

подвижного века, а глаза упорно таращились, силясь рассмотреть хоть что-то на маленьких табличках.

Настоящий позор ожидал его у картины знаменитого художника Рембрандта «Возвращение блудного сына». Вокруг толпился народ, и Максим старался разглядеть все побыстрее, оттого лез, толкался и неловко извинялся, провоцируя тем самым новые толчки. Так что все, что ему удалось разглядеть, это что-то там «...сына».

Максим неловко задрал голову, стараясь одновременно отследить, не ополчилась ли на него очередная смотрительница-бабушка, и понять, что изображено на картине про сына. Перед ним были две темные человеческие фигуры, бликующие на свету, одна держала другую, и все у изображенных на картине людей, судя по всему, было печально. Максим облегченно вздохнул – конечно, эта картина была страшно известная.

– «Иван Грозный убивает своего сына», – радостно и громко сообщил он Полине.

Но услышали и все окружающие. Было очень стыдно и не хотелось больше жить.

Позже, щедро угощая тотально дезинформированную Полину хот-догами с растворимым кофе в одноразовом стаканчике, Максим обрушил весь свой гнев на хитрых жуликов-экскурсоводов, о которых ему рассказывала утром бабушка.

У Максима, судя по всему, начинала развиваться легкая форма нарколепсии, и за завтраком он сидел в состоянии транса, граничащего с просветлением. Бабушка его очень хвалила за то, что он встал в такую рань, а когда узнала, что внук собрался в Эрмитаж, ее восхищению не было предела.

Бабушка была жаворонком, ревностным охранителем культурного наследия и мудрым человеком, который прекрасно видел недостатки своих любимых.

Запихивая Максима на свой факультет, она трезво оценивала его возможности и не питала никаких иллюзий на его счет. Учить чему-то Максима на первой паре было бесполезно, а тут он к девяти утра собрался в Эрмитаж, и это при том, что музей открывается только в десять тридцать.

Бабушка долго что-то говорила Максиму, но запомнилась ему только та часть рассказа, в которой фигурировали такие слова, как «вранье» и «обман», что бабушка особо подчеркивала своим хорошо поставленным преподавательским голосом.

– Хитрые китайские экскурсоводы-обманщики нарочно вводят ни в чем неповинных туристов в заблуждение! – ораторствовал Максим. – Говорят, что в Петербурге очень много янтарных раскопок ведется! Что янтарь с моря намывало и намывает, и это такая наша очень большая достопримечательность и ценность! И потом сразу ведут жертв этого бессовестного обмана в сувенирный, в ювелирный, и там китайцы янтарь и покупают. А это все на самом деле неправда. Обманщики!

Китайцев вокруг действительно было много. Они приплывали целыми пароходами, океанскими лайнерами, которые останавливались на Неве.

Жара спадала. Началась гроза.

* * *

Отключите электричество,
Перекройте газ и горячую воду.
Моя Женщина – Мое Величество.
Ее тепла хватит на город.
Подарите мне маленький домик
Где-нибудь в Купчино,

Рядом с пунктом милиции.
Я придумаю сказок трехтомник
И его раздарю по детским домам
И больницам.

Глава седьмая

#мишкачитаеткнижку

20 июля

Полли 21:15

Привет, дружище! Да, до Союза писателей все-таки добрались, спасибо, что помнишь, как это важно, а-хах. Если честно, ничего интересного. Ну зато там рядом парк, Театр юного зрителя, посидели на траве душевно так. Ты, наверное, надо мной посмеиваешься из-за того, что я представляю, как поэт Таганов с бабушкой в этом парке, взявшись за ручки, гуляли, ха-ха.

А насчет Андрея не знаю, странный он какой-то. Я вот сейчас дошла до хостела, ну, он меня проводил, теперь пойду одна погуляю. С ним особо город нормально не посмотришь, мне кажется. В общем, достал.

* * *

Нам с кошкой не хватает доброты,
Мы с Пашей как ценители разлуки.
Моя щетина помнит твои руки,
Но я устал и даже подостыл.
Нам с кошкой не хватает ясных дней
В кругу тридцати первой параллели,
Быть вместе – все, что мы сумели,
Нас это лето сделает сильней.

* * *

Полина сидела в баре на самой легендарной барной улице Питера и читала поэта Таганова. Она сначала стеснялась, а потом была очень приятно удивлена, что читать книги в кафе и барах Петербурга считается в порядке вещей, и это вовсе не для того, чтобы выпендриваться или понтоваться. В каждом втором кафе были целые стеллажи и полки, заставленные книгами, в том числе и поэзией. Часто Полине попадались таблички, информирующие о том, что в баре идет открытый книгообмен и можно взять понравившийся томик себе.

Так что из толпы она не выделялась. Расчувствовавшись и вдохновившись таким всеобъемлющим негласным родством и взаимопониманием, она подошла к стойке и заявила бармену, что ей бы отведать шампузень. Ну, типа как делали заказ в начале прошлого века. Бармен посмотрел на нее с сочувствием. Полина застеснялась и промямлила, что ей подойдет и глинтвейн. Если можно.

Лучше бы взяла что-нибудь холодное. А теперь сиди и давь горячим на такой жаре.

Максим вел себя странно. Но новый знакомый Полины был еще более странным и как-то превратно понял ее просьбу показать ей душу города. Улица Думская – легендарное же место, а он даже не собирался туда ее сводить. Уже несколько дней прошло. А Максим все в командировке.

Широкая витрина бара служила удобным столиком с отличным видом на Перинные ряды, Гостиный двор и кусочек Невского. Повсюду лежали декоративные подушки.

Полина достала из рюкзака медведя и посадила его рядом со стаканом глинтвейна. Сфотографировала, сделала отметку о своем местоположении и приписала хештег «впитерепить», подумала, стерла и заменила на «мишкапьетвинишко».

Открыла книгу поэта Таганова на том месте, где остановилась, и подсунула вместо закладки мягкую медвежью лапу. «А еще #мишкачитаеткнижку».

Глинтвейн остыл, а Полине, помимо кучи лайков, пришло одно личное сообщение: «Привет! Я мишкапьювинишко в соседнем баре! В Питере пить!»

* * *

– Ну вообще, если вот ты прямо нормальный выход требуешь, наверное, самое как раз нормальное исчезнуть. Дружите просто с ней по переписке, и все такое.

– Ты что? Ты что? Как это я так? А она? А я?

– Чего-о?

– Нравится она, говорю, мне. Очень.

Уж лучше бы он инсценировал свою смерть, а потом появился в реальной жизни в виде настоящего Максима, чем так вот мучиться!

Максим схватился за голову.

– Не могу, не могу больше, – бормотал он.

Андрей настаивал, что надо сознаться, а дальше по обстоятельствам. Потому что конца этой истории не предвиделось, а Максим изо дня в день все больше скатывался в истерику и все повторял, какая Полина замечательная.

Это начинало походить на глупейший фильм, и, как и полагается в глупом и предсказуемом фильме, Максим потребовал, чтобы Андрей пошел с ним.

– Ты как это себе представляешь вообще? Я, как шпион с накладными усами, сижу за соседним столиком, прикрываясь газетой, или что?

Максим возмутился. Какие еще столики, они с Полиной в Летний сад идут.

* * *

Находящийся в соседнем баре Миша оказался невысокой – на полголовы ниже Полины – девушкой.

После недолгой беседы она перешла в бар к Полине и чуть ли не с порога начала объяснять, что Миша – самое обычное женское польское имя. Что сестру Ганнибала Лектора, между прочим, тоже так звали, в фильме «Молчание ягнят» о ней вообще не упоминают, а в книге она была. И в сериале тоже была немного. Ближе к концу и за кадром, но была же.

Миша была страшно общительная, с подвижной мимикой. Когда она что-то увлеченно говорила, у нее смешно двигались густые темные брови. А говорила Миша много. Она пришла в дикий восторг, когда узнала, что Полина приехала посмотреть город, и тут же вызвалась его показать. Полина сначала отреагировала на такое щедрое предложение сдержанно – ей с головой хватило Андрея в качестве гида, и больше по «самым красивым местам Питера» ходить не хотелось. Кажется, у петербуржцев считалось в порядке вещей предлагать показать город любому, кто готов их слушать.

Спустя несколько часов Полина была уже более чем согласна. Началось все с того, что Миша посвятила ее в тонкости «правила двадцати минут»: это был такой метод хождения по барам города. Заключался он в том, что, как только место, куда ты зашел, начинало хотя бы

немного надоедать – или если просто проходило двадцать минут, ну или, в крайнем случае, полчаса, – следовало немедленно его покинуть и переместиться в следующее место. Ограничения были только территориальные – чем ближе к ночи, тем больше шансов не успеть перейти мосты. А так можно было чередовать бары и парки, улицы и набережные, кафе и снова бары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.